

Anatolij Sobiennikowa

Повесть Л.Н. Толстого "Крейцера соната" в рецепции А.П. Чехова

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 69-78

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Anatolij Sobiennikow

Irkucki Uniwersytet Państwowy
Irkuck, Rosja

ПОВЕСТЬ Л.Н. ТОЛСТОГО *КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА* В РЕЦЕПЦИИ А.П. ЧЕХОВА

Ключевые слова: *любовь, брак, семья, время, диалог, личная экзистенция*

Два великих современника вели диалог на протяжении всего периода знакомства¹. Из воспоминаний мы знаем о взаимной человеческой симпатии, о приятии друг друга². Из работ исследователей творчества Чехова знаем и о его скрытой полемике с идеологией Толстого³. Но В.Б. Катаев обратил внимание и на ещё одну сторону взаимоотношений: «Толстой как бы задавал молодому собрату по литературе размах художнической мысли. Сама его обращённость к коренным проблемам мира и человека служила мощным стимулом чеховского художественного воображения»⁴.

На наш взгляд, особое «стимулирующее» значение имела повесть Л.Н. Толстого *Крейцерова соната*. Чехов писал А.Н. Плещееву: «Неужели Вам не понравилась *Крейцерова соната*? Я не скажу, чтобы это была вещь гениальная, вечная – тут я не судья, но, по моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполнения. Не говоря уж о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль»⁵ (П.4, 19).

¹ Литература о взаимоотношениях двух писателей как личных, так и эстетических, огромна. Отсылаем к указателю, составленному А.С. Мелковой – А.С. Мелкова, *Л.Н. Толстой и А.П. Чехов*, Москва 1998, с. 330-371. См. также сборник статей: *Чехов и Лев Толстой*, Москва 1980; В.Я. Лакшин, *Толстой и Чехов*, 2-е изд., Москва 1975; А. Турков, *А.П. Чехов и его время*, Москва 1980; В.Б. Катаев, *Литературные связи Чехова*, Москва 1989; *Чеховские Чтения в Ялте, Выпуск 16. Чехов и Толстой: к столетию памяти Л.Н. Толстого*, Симферополь 2011 и др.

² См. воспоминания М. Горького, И.А. Бунина, И.А. Альтшуллера и др.

³ См., например: В.Б. Катаев, *Литературные связи Чехова...*; А.С. Собенников, *Между «есть Бог» и «нет Бога...» (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова)*, Иркутск 1997 и др.

⁴ В.Б. Катаев, *Литературные связи Чехова...*, с. 62.

⁵ Здесь и далее цитаты приводятся по: А.П. Чехов, *Полн. собр. соч. и писем. в 30 т.*, Москва 1974-1983 (с указанием в скобках тома и страницы).

Известна иная оценка Чехова, послесахалинская: «До поездки *Крейцера соната* была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой» (П. 4, 147). А «Послесловие» Чехов просто не принял: «Убейте меня, но это глупее и душнее, чем *Письма к губернаторше*, которые я презираю. Чёрт бы побрал философию великих мира сего! Все великие мудрецы деспотичны, как генералы...» (П. 4, 270). Таким образом, Чехов оценил «важность замысла» и «красоту исполнения», но не идеологию Толстого.

В центре *Крейцеровой сонаты* – институт брака, проблема взаимоотношения полов. У Толстого представлено несколько точек зрения на брак: эмансипированной дамы, старика купца, Позднышева. По-мнению дамы, в основе брака должна лежать любовь. «Ведь главное то, чего не понимают такие люди, – сказала дама, – это то, что брак без любви не есть брак, что только любовь освящает брак, и что брак истинный только тот, который освящает любовь»⁶.

В словах дамы мы находим растиражированное русской демократической литературой клише, восходящее к известным статьям Белинского о *Евгении Онегине*: «Но я другому *отдана*, – именно *отдана*, а не *отдалась*! Вечная верность – кому и в чём? Верность таким отношениям, которые составляют профанацию чувства и чистоты женственности, потому что некоторые отношения, не освящаемые любовью, в высшей степени безнравственны...»⁷.

Взгляды старика купца на женскую природу патриархальны: «Как была она, Ева, женщина, из ребра мужнина сотворена, так и останется до скончания века»⁸. По его мнению, муж должен содержать жену в страхе, ибо «от мужчины в доме ничего не пребудет, а женщина-жено – утлый сосуд»⁹.

Точка зрения Позднышева в идеологическом изводе – отказ от страстей, а из всех страстей, по его мнению, «самая сильная, и злая, и упорная – половая, плотская любовь». Повествователь формально находится в стороне, он задаёт вопросы, провоцирует Позднышева на высказывание. Но «Послесловие» – это уже голос автора. В «Послесловии» Толстой, по сути, повторяет аргументы Позднышева, приходя к выводу: «Христианское учение идеала есть то единое учение, которое может руководить человечеством»¹⁰.

И дама, и старик-купец, и Позднышев, и сам автор в «Послесловии» генерализируют, каждый из них убеждён в истинности своих слов. История Позднышева для автора аргумент не только идеологический, но и психологический. Криминальный сюжет, убийство мужем своей жены из ревности, преобразуется в исследование «зверя», который сидел в душе героя, и который сидит, по его мнению, в душе всякого человека. А психологический анализ ведёт к сюжету евангельскому: воскрешению мёртвой души. Не случайно действие происходит ранней весной, когда начинается пасхальный цикл. У Толстого взаимоотношения мужчины и женщины приобретают характер катастрофы, кризис семьи

⁶ Л.Н. Толстой, *Крейцера соната*, [в]: Л.Н. Толстой, *Собр. соч. в 20-ти т.* Т. 12, Москва 1964, с. 138.

⁷ В.Г. Белинский, *Статья девятая. «Евгений Онегин»*, [в]: В.Г. Белинский, *Собр. соч. в 9-ти т.* Т. 6, Москва 1981, с. 424.

⁸ Л.Н. Толстой, *Крейцера соната...*, с. 136.

⁹ Там же, с. 136.

¹⁰ Там же, с. 227.

универсален. Речь идёт о противоречиях, которые лежат в основах родовых, с одной стороны, и в противоречиях, вызванных развитием цивилизации, с другой стороны.

Чехова привлекало в творчестве Толстого прежде всего искусство человековедения, и в этом смысле *Крейцера соната*, действительно, имела «стимулирующее значение»¹¹. Толстой первый в русской литературе сказал о войне полов, о том, что женщина поставлена в этой войне в неравное с мужчиной положение, что она «есть орудие наслаждения»¹².

Исповедь Позднышева – это попытка встать на точку зрения «другого», вернее, «другой», попытка подняться над мужским эгоизмом. Современный брак, по его мнению, «базар», на котором мужчины выбирают понравившийся товар. В романах описываются чувства героев, но «ни слова о его посещениях домов, о горничных, кухарках, чужих жёнах»¹³. От невесты требуют невинности, а жених уже развращён всем образом жизни. В любви Толстой выявил, отмеченный психологами, «эффект солнечной короны». «Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь, и не видишь глупости, а видишь умное»¹⁴.

В психологии брака Толстой обратил внимание и на то, что в действительности выбирают женщины, а не мужчины, что муж и жена «воюют детьми», об особой сексуальности молодой женщины, познавшей мужчину, но ещё не рожавшей. Автор отметил, что ссоры супругов отмечены «особой, ядовитой злобой» и «что это общая участь»¹⁵. В одной из ссор Позднышев, «дав ход своему бешенству», схватил со стола пресс-папье и «швырнул его оземь мимо неё»¹⁶. Эта сцена похожа на ту сцену в романе *Война и мир*, в которой Пьер «почувствовал увлечение и прелесть бешенства». Только в *Войне и мире* была мраморная доска, а не пресс-папье. Повторяющаяся деталь – свидетельство постоянства раздумий Толстого о психологии брака. В «мысли семейной» Толстой, безусловно, шёл путём самонаблюдений.

Главное в исповеди Позднышева – это отчуждение супругов, каждый их героев жил своей жизнью. И только убив жену, герой Толстого «в первый раз увидал в ней человека»¹⁷.

В прозе Чехова 90-х годов есть ряд произведений со схожей тематикой: *Попрыгунья*, *Жена*, *Страх*, *Рассказ неизвестного человека*, *Володя большой и Володя маленький*, *Три года*, *Супруга*, *Ариадна*. Все они, в той или иной степени, уже упоминались в контексте повести Толстого, хотя примеров развёрнутого сопоставления немного¹⁸. Из этого перечня, на наш взгляд, необходимо выделить повесть *Три года*. На толстовскую «мысль семейную» указывал подзаголовок «сце-

¹¹ К. Чуковский писал: «В этой науке *человековедения* он – после Толстого – не знал себе равных» – К. Чуковский, *О Чехове*, Москва 2007, с. 115.

¹² Л.Н. Толстой, *Крейцера соната...*, с. 165.

¹³ Там же, с. 118.

¹⁴ Там же, с. 148.

¹⁵ Там же, с. 161.

¹⁶ Там же, с. 190.

¹⁷ Там же, с. 210.

¹⁸ См. например: М.Л. Семанова, «*Крейцера соната*» Л.Н. Толстого и «*Ариадна*» А.П. Чехова, [В]: *Чехов и Лев Толстой*, Москва 1980, с. 225-254.

ны из семейной жизни», который Чехов послал В.М. Лаврову 11-13 декабря 1894 г. (С. 9, 455).

Уже на первой странице повести есть прямая отсылка к тексту Толстого. Герой Чехова Алексей Лаптев вспоминает «длинные московские разговоры... разговоры о том, что без любви жить можно, что страстная любовь есть психоз, что, наконец, нет никакой любви, а есть только физическое влечение полов» (С. 8, 7). В варианте *Русской мысли* Юлия Белавина говорила: «а сегодня я читала, что мы все погибаем от любви и что спасение наше только в воздержании от любви» (С. 8, 379).

Имя Толстого упоминается и в письме Лаптева к Косте Кочевому: «Это, я думаю, само собой уладится, или, как говорил лакей у Толстого, *образуется*» (С. 9, 16). Герой Чехова приводит пример из романа *Анна Каренина*, где лакей Матвей этим словом поддерживал своего барина Стиву Облонского, уличённого женой в измене. В *Анне Карениной* речь шла о том, что самые сложные семейные проблемы решаются сами собой, если забыть «сном жизни». Толстовская «мысль семейная», таким образом, находится в кругозоре героя, ею он поверяет свою жизнь.

В тексте повести Чехова можно найти и другие аналогии с повестью Толстого. Лаптев старше Юлии Белавиной, он уже жил половой жизнью, а его невеста – нет. В исповеди Позднышева речь шла о поколении тридцатилетних, Лаптеву 34 года. У отца Лаптева, как и у толстовского старика-купца, патриархальные взгляды на брак: «Когда я женился, мне больше сорока было, а я в ногах у отца валялся и совета просил. Нынче уже этого нету» (С. 9, 32). Есть у Чехова и эмансипированная дама – Рассудина, которая ушла от мужа-педагога. Она свободно вступает в любовные отношения с мужчинами и живёт тем, что даёт уроки музыки. В её комнате «не было ничего, что напоминало бы о том, что здесь живёт женщина и бывшая курсистка» (С. 9, 43). И слова Рассудиной: «Вы опьянены! Вы отравлены этим красивым телом, этой *Reinheit!*» – всего лишь перифраз Позднышева (женщина знает, что мужчине «нужно только тело»).

Герой Чехова, как и герой Толстого, понимает, что под венец пойдут «в сущности совершенно незнакомые друг другу» люди (С. 9, 27). У Чехова, так же как у Толстого, между молодожёнами нарастает отчуждение. Лаптев признаётся Рассудиной: «Ночью мы спим, но днём она боится остаться со мной наедине хотя бы пять минут и ищет развлечений, общества. Ей со мной стыдно и страшно» (С. 9, 44). Жена говорит с мужем «только о погоде и о том, что пора обедать или ужинать» (С. 9, 45). Когда Юлия молилась, Лаптева охватывало чувство «ненависти» от того, что он не знал, о чём она молилась. Герой Чехова, подобно Позднышеву, «молча ревновал». Но и жена ненавидит мужа: «Лицо её задрожало от ненависти, и она опустила глаза, чтобы скрыть это чувство. И выражение её лица понял не один только муж, но и все, сидевшие за столом» (С. 9, 57).

Важный мотив *Крейцеровой сонаты* – от ненависти взрослых страдают дети. Убив жену, Позднышев сделал сиротами своих детей. И в повести Чехова нет счастливого детства. Один из важнейших этико-аксиологических мотивов в повести – сиротство. Мать Лаптева умирает, когда он был ребёнком, отец «учил» мальчика розгами. Умирает сестра Лаптева и оставляет сиротами Сашу и Лиду при живом отце. Позиция Панаурова в жизни – гедонизм. Он, получив назначе-

ние в губернский город, бросает на произвол судьбы не только Сашу и Лиду, но и детей, рождённых в гражданском браке. Костя Кочевой был взят в дом Лаптевых после смерти отца, пьющего чиновника. Живёт с отцом, без матери, Юлия Белавина.

Но и сиротство детей, и отчуждение супругов, и «путаница» (слово Толстого) человеческих отношений не приобретают у Чехова характера мировой катастрофы; они даны как часть жизни, как бытовая и экзистенциальная неизбежность. Поэтому Чехов не вступает в полемику с Толстым на уровне идеологом, он в принципе предлагает иной, не идеологический, подход к проблемам любви, семьи, брака.

Прежде всего, Чехов не претендует на конечное слово о любви и браке, не генерализирует. Его герой с грустью думает о том, «что если бы теперь его спросили, что такое любовь, то он не нашёлся бы, что ответить» (С. 9, 7). В письме к другу он признаётся: «Пока я не любил, я сам тоже отлично знал, что такое любовь» (С. 9, 16). Любовь в произведениях Чехова дана как тайна. В рассказе *О любви* читаем: «До сих пор о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что „тайна сия велика есть“, всё же остальное, что писали и говорили о любви, было не решением, а только постановкой вопросов, которые так и оставались неразрешёнными» (С. 10, 66). Для Позднышева (и автора) тайна – другой человек, всё остальное в любви и в браке поддаётся рациональному объяснению.

Но есть момент, в котором обнаруживается сходство двух повестей: полемика с любовным романом. Оба текста антилитературны в том смысле, что поэзии любовных литературных ситуаций противопоставляется проза жизни, поток быта. Он и она в повести Чехова *Три года* лишены исключительности, свойственной героям любовного романа, они живут, «как миллионы живут у нас и везде»¹⁹. И в портретной характеристике нет ничего примечательного. «Лаптев знал, что он некрасив... Он был невысок ростом, худ, с румянцем на щеках, и волосы у него уже сильно поредели» (С. 9, 9).

Герой понимает, что его избранница тоже не красавица («у неё широкое лицо, она очень худа»), и это – объективная характеристика. Субъективность проявляется в описании голоса любимой в письме к другу: «Голос её, когда она говорит, поёт и звенит». Герой чувствует в ней «редкое, необыкновенное существо, проникнутое умом и высокими стремлениями» (С. 9, 16). В действительности, в авторском регистре Юлия обыкновенная провинциальная русская девушка. Даже её религиозность не выходит за рамки бытового православия. Более того, под влиянием разговоров с мужем и его друзьями вера слабеет. «Я уже не молюсь», – признаётся она (С. 9, 83). Юлия Белавина – не Лиза Калитина.

Love story Чехова проста: мужчина полюбил девушку, та выходит замуж без любви; через три года жена полюбила мужа, а он её разлюбил. В такой фабуле нет места тайне, преступлению, героическому поступку. Нет у Чехова и психологических мотивировок: за что полюбил, почему разлюбил? Решающее значение приобретает категория времени, не случайно она вынесена в заглавие. В бытовом времени, в потоке каждодневного накапливаются изменения.

¹⁹ Так А.С. Суворин отозвался о героях *Трёх сестёр*. См.: А.С. Суворин, *Дневник*, Москва, Петроград 1923, с. 284.

В начале повествования подчёркивается неизменность быта, монотонность существования. В провинциальном городе, где живёт любимая девушка, «каждое утро и вечер прогоняют большое стадо» (С. 9, 7); Лаптев и Панауров «молча проводили целые вечера»; «церемония с поцелуями и реверансами» девочек «повторялась каждый вечер» (С. 9, 13). В Москве жизнь Лаптевых «текла обыкновенно, изо дня в день, не обещая ничего особенного» (С. 9, 66). «Ярцев и Киш обыкновенно приходили вечером к чаю» (С. 9, 54). Не меняются порядки в амбаре, привычки доктора Белавина и его обидчивость, постоянны отец Лаптева в своём хвастовстве, Киш в неумении рассказывать, и т.д. Складывается впечатление, что бытие у Чехова равно быту. Но оно обманчиво. Повторяемость бытовых и экзистенциальных ситуаций не приобретает характера дурной бесконечности, в самой повторяемости таится возможность изменений внешних и внутренних.

Влюблённый Лаптев любит молодостью героини, «которой не замечал раньше и которую как будто лишь сегодня открыл в ней; ему казалось, что её тонкую белую шею с золотой цепочкой он видел теперь только в первый раз» (С. 9, 19). В конце повести читатель обнаруживает, что «тонкая, хрупкая, бледнолицая девушка» превратилась в «зрелую, красивую, сильную женщину». И уже не Лаптев, а его друг Ярцев смотрит на неё с восхищением: «Казалось, что он видел её первый раз в жизни... и всё смотрел на Юлию, на её красивую шею» (С. 91). Охлаждение Лаптева, объяснение в любви Юлии, любовь к ней Ярцева – результат прожитых лет. У каждого своё время любить, как в Екклесиасте.

У Толстого в *Крейцеровой сонате* тоже происходит превращение юной девушки в зрелую женщину, вызывающую восхищение мужчин. Но это приведёт к ревности мужа и закончится семейной драмой. У Чехова драматична сама жизнь, а ревность – свойство человеческой природы, миллионы людей – ревнуют. Убийство из ревности – всё-таки исключение из правил; в этом смысле Толстого интересует исключение, а Чехова – правило.

В истории взаимоотношений Лаптева и Юлии есть свои повторы и свои изменения. В сцене объяснения героиня была в светлом платье, герой прижимал к груди «чудесный» зонтик, вблизи которого «пахло счастьем». Главное в этой сцене чувство неловкости, которое испытали он и она. «Он не нравился ей; наружность у него была приказчицкая, сам он был не интересен», – так воспринимала героиня человека, сделавшего ей предложение (С. 9, 21).

Мотивировка, почему она приняла предложение, дана во внутреннем монологе: «Лаптев же, как бы ни было, москвич, кончил в университете, говорит по-французски; он живёт в столице... Разве без любви нельзя в семейной жизни? Ведь говорят, что любовь скоро проходит и остаётся одна привычка и что самая цель семейной жизни не в любви, не в счастье, а в обязанностях, например в воспитании детей, в заботах по хозяйству и проч» (С. 9, 23).

В финальной сцене повторятся цвет платья, зонтик, и уже она, а не он объяснится в любви: «Она встала и рукой провела по его волосам, и с любопытством оглядывала его лицо, плечи, шляпу. – Ты знаешь, я люблю тебя, – сказала она и покраснела» (С. 9, 90). Но ведь «приказчицкая наружность» Лаптева не изменилась, и вряд ли количество волос на его голове прибавилось. Примечательно, что героиня смотрит «с любопытством», как будто в первый раз видит мужа.

И главное у Чехова, что она изменилась не только внешне, но и внутренне. Именно внутренние изменения свидетельствуют о пробуждении личности, о духовном росте героини.

Посмотрим на примере героев Чехова, как происходит этот рост. Вначале Юлия Белавина руководствовалась общими представлениями о любви и браке («говорят, что любовь скоро проходит»). С точки зрения самой героини, «ей уже 21 год». И вот «с этим замужеством представляется возможность изменить свою жизнь» (С. 9, 26). Героиня Чехова думает о себе, о своей жизни, а не о Лаптеве. И Лаптев чувствует, «что в этом любовном объяснении нет главного – её любви». Но, тем не менее, он «обнял её страстно» (С. 9, 26). Мужчина у Чехова, так же, как у Толстого, не рассуждает («рассуждать тут уже поздно»), а испытывает физическое влечение.

И Лаптев в суждениях о браке руководствовался общими представлениями: «так женятся и выходят замуж тысячи людей и что Юлия со временем, когда покороче узнает его, то, быть может, полюбит» (С. 9, 27). Но чужой опыт, чужие житейские или книжные представления о любви и браке не могут научить ни героиню, ни героя.

У Чехова предметом изображения становится личная экзистенция. Личная экзистенция – это время человеческой жизни, рассмотренное изнутри. М.М. Бахтин писал: «С точки зрения физико-математической время и пространство жизни человека суть лишь ничтожные отрезки, ... но изнутри человеческой жизни они обретают единственно ценностный центр»²⁰. В этом смысле ценен и значим любой опыт семейной жизни, но ценен и значим для носителя опыта. Так, история семейной жизни сестры Лаптева драматична: муж её не любит, он завёл вторую семью, где есть дети. Но читатель узнаёт, что «Нина Фёдоровна обожала своего мужа» (С. 9, 11).

Панауров свой опыт считает универсальным. «Вы влюбитесь и будете страдать, разлюбите, будут вам изменять, потому что нет женщины, которая бы не изменяла, вы будете страдать, приходите в отчаяние и сами будете изменять. Но настанет время, когда всё это уже станет воспоминанием и вы будете холодно рассуждать и считать это совершенными пустяками», – говорит он Лаптеву (С. 9, 15). Но история любви Лаптева и Юлии Сергеевны далека от той схемы, которую предложил Панауров.

В аспекте линейного времени эта история выглядит так: в марте Лаптев познакомился с Юлией Сергеевной, объяснился в мае, свадьба была в сентябре. В ноябре он признался Рассудиной, что несчастлив в семейной жизни, но безумно любит жену. Потом умерла сестра Лаптева и девочек, Лиду и Сашу, Лаптевы забрали в Москву. После свадьбы прошло полгода, но отношения между молодыми не ладятся: жена ненавидит мужа, а муж её ревнует: «Он ревновал её к знакомым студентам, к актёрам, певцам, к Ярцеву, даже к встречным, и теперь ему страстно хотелось, чтобы она в самом деле была неверна ему, хотелось заставить её с кем-нибудь, потом отравиться, отделаться раз навсегда от этого кошмара» (С. 9, 58).

²⁰ М.М. Бахтин, *Автор и герой в эстетической деятельности*, [в]: М.М. Бахтин, *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*, Санкт-Петербург 2000, с. 9.

После ссоры и объяснения с мужем Юлия Сергеевна едет к отцу, у которого собиралась прожить до пасхи. На Святой неделе Лаптевы были на выставке, где Юлии Сергеевне понравился «небольшой пейзаж». Она пытается объяснить, почему он ей понравился, «но ни муж, ни Костя не понимали её» (С. 9, 66). В мае Юлия Сергеевна «была уже беременна» (С. 9, 67).

Так прошёл первый год. О втором годе повествователь ничего не сообщает, хотя родилась дочь Оля, были, очевидно, семейные праздники и т.д. Об этом времени сказано просто: «Прошло больше года» (С. 9, 67).

Третий год семейной жизни начинается летом и Юлия признаётся Ярцеву: «Я никогда сильно не любила мужа, и Оля – это, в сущности, моя первая любовь» (С., 9, 68). Чувство к мужу она называет «привычкой». Через неделю Оля умирает от дифтерита. Юлия Сергеевна не ищет утешения у мужа, а ходит «плакать» во флигель к Косте Кочевому. Осенью Лаптев стал бывать у Ярцева, там он встретил Рассудину, и ему открылось, «что он уже чужой для неё». И ещё: «Ему было досадно, что Полина Николаевна сошлась с Ярцевым, и досадно на себя, что чувство его к жене было уже совсем не то, что раньше» (С. 9, 77). Потом Лаптев уехал в Англию («успел уже побывать за границей»), Юлия Сергеевна «привыкла к своему горю». «В эту зиму она уже не ездила по магазинам, не бывала в театрах и на концертах, а оставалась дома» (С. 9, 78).

Припадок Фёдора Лаптева «потряс» Юлию, и муж «клат ей на лоб компрессы, согревал ей руки, поил её чаем, а она жалась к нему в страхе» (С. 9, 83). У Фёдора обнаружат душевную болезнь, ослепнет отец Лаптева, и супруги вынуждены будут перебраться на Пятницкую. Примечательно, что это решение примет Юлия Сергеевна: «Мы должны как можно скорее перебраться на Пятницкую и жить там. И ты каждый день будешь ездить в амбар» (С. 9, 86). В этой сцене героиня считает себя уже частью семьи, чувствует ответственность за её судьбу.

Лаптев же назовёт отцовский дом – «склепом», амбар – «тюрьмой». Он напомнит Юлии про зонтик, под которым раз в жизни был счастлив. Герой найдёт его среди «ненужных вещей», и героиня в своей комнате будет «долго» смотреть на зонтик. Впервые она скажет мужу: «Если можно, пожалуйста, возвращайся пораньше. Без тебя мне скучно» (С. 9, 87). В начале июня Лаптев пересчитает капитал, а на другой день приедет на дачу, где Юлия Сергеевна объяснится ему в любви, и в руках у неё будет старый зонтик.

Как мы убедились, в линейном времени, с одной стороны, фиксируются постоянство, неизменность бытия, с другой стороны – непредсказуемость жизни. Лаптев не мог предположить, что жена, дочь и Лида заболеют, что дочь умрёт, что у брата найдут душевную болезнь, что жена его полюбит, что ему придётся заниматься «амбаром», что Рассудина сойдётся с Ярцевым, а потом Ярцев увлечётся Юлией. Юлия Сергеевна, в свою очередь, не знала, что потеряет дочь, что в семье мужа не всё благополучно, что она полюбит мужа.

Повесть Чехова разделена на 17 глав: 12 глав – это описание первого года из трёх, где доминирует постоянство, а в 5-ти последних главах дано описание третьего, где подчёркивается непредсказуемость. Чехов применяет композиционный принцип мозаики. Между «сценами из семейной жизни» нет фабульной связи. Та или иная сцена не подготовлена предыдущей сценой и не вытекает из неё. Более или менее фабульное единство сохраняется в первых четырёх главах,

в которых происходит объяснение в любви. В дальнейшем доминируют внутренние, сюжетные связи.

За три года семейной жизни герои Чехова, в сущности, прошли путь Позднышева. Если в начале они думали о себе и о своём интересе в браке, то в конце – отказались от его, увидели другого. Внутренние изменения, о которых мы уже говорили, свидетельствуют о том, что М.М. Бахтин называл «ответственным бытием». Лунной ночью Лаптеву кажется, «что он сейчас велит отпереть калитку, выйдет и уже более никогда сюда не вернётся» (С. 9, 90). Он думает, что ему мешают уйти «привычка к неволе, к рабскому состоянию». Но автор мудрее героя: свобода уйти – это эгоистическая свобода. Лаптев взваливает на себя не миллионы, а бремя ответственности за близких. Один из мотивов повести – физическое насилие в амбаре, жертвой которого в детстве был сам Лаптев. Мы узнаём, что герой «запрещал сечь мальчиков и глумиться над покупателями» (С. 9, 87).

В финале Лаптев «думал о том, что, быть может, придётся жить ещё тринадцать, тридцать лет... И что придётся пережить за это время? Что ожидает нас в будущем? И думал: „Поживём – увидим“» (С. 9, 91). «Поживём – увидим» героя – это мужество перед лицом жизни, готовность к нравственному усилию. У Чехова акцент сделан на «нас», а не на «меня». «Мы» – включает и девочек-сирот, и Юлию Сергеевну, и Ярцева, и отца, и брата, и Костю Кочевого, и служащих в амбаре. Человек у Чехова становится личностью тогда, когда не боится жизни, когда ударам судьбы он противопоставляет нравственный стоицизм.

В Послесловии к *Крейцеровой сонате* всё многообразие семейных отношений сводилось к одной максиме: «Идеал христианина есть любовь к Богу и ближнему, есть отречение от себя для служения Богу и ближнему; плотская же любовь, брак есть служение себе»²¹. Одна из ключевых идей Позднышева – нет смысла жить, если «нет цели никакой». Он возводил к Христу «идеал добра, достигаемый воздержанием и чистотою»²².

В повести *Три года* автор демонстрирует сложность самой жизни; вера Юлии не спасает её от одиночества, а безверие Лаптева не делает его «зверем». Герои Чехова, как и герой Толстого, открывают для себя новое в любви и в браке. Но если Толстой заканчивает Евангелием, видит в нём универсальный идеал, то Чехов делает акцент на личности, на нравственном усилии.

Через несколько лет, прочитав роман Толстого *Воскресение*, Чехов скажет: «Писать, писать, а потом взять и свалить всё на текст из евангелия, – это уж очень по-богословски. Решать всё текстом из евангелия – это так же произвольно, как делить арестантов на пять разрядов. Почему на пять, а не на десять? Почему текст из евангелия, а не из корана? Надо сначала заставить уверовать в евангелие, в то, что именно оно истина, а потом уж решать всё текстами» (С. 9, 30).

Герой Толстого и сам автор в Послесловии ищут и находят истину. Истина конкретна, абсолютна и универсальна. В повести *Три года* Чехов руководствовался принципом множественности истин. То, что героям казалось ложью, обретает свойства истины. А то, что казалось истиной, перестаёт быть таковой. Прежде всего, это относится к любви и к браку. У каждого из персонажей субъек-

²¹ Л.Н. Толстой, *Крейцера соната...*, с. 221.

²² Там же, с. 158.

тивные представления о них. Вместе с тем субъективные представления не просто фантомы сознания или заблуждения. Да, Лаптев заблуждался, когда подозревал Юлию в меркантильности. Он был несправедлив по отношению к постаревшему отцу, жесток с братом в сцене, когда возник спор об именитом роде и т.д. Но переживания героя, его сознание у Чехова – часть его личности, и в аспекте целостности человека – они истинны и объективны. Таким образом, автор объективирует субъективные переживания героев, придаёт им ценностное значение. Повесть *Три года* – чеховский вариант решения проблемы любви и брака. У Чехова подлинной ценностью становится время человеческой жизни. Любовь, брак, семья как смысл и ценность могут открыться человеку только в личной экзистенции.

Поживём – увидим?

Summary

The story *Krejtserova sonata* by L.N.Tolstoj in Chekhov's perception

The article is about A.P. Chekhov's perception of the story *Krejtserova sonata* by L.N.Tolstoj. Chekhov has estimated «importance of the plot», «beauty of the composition», but hasn't accepted Tolstoj's ideology. The story *Three years* is a Chekhov's solution of the problem of love and marriage. Chekhov's original value is the time of human life. A person can properly understand the sense and value of love, marriage and family only in his personal existence.

Key words: *love, marriage, family, time, dialog, personal existence*